

Чэнху разговаривал с отцом по телефону. Ли Кай расспрашивал старшего сына, как им живется в деревне, и тот с гордостью хвастался, какой он сильный и послушный: ни разу не заплакал, в отличие от Чжэньчжэнь и Чэншаня.

Ли Кай, впрочем, и сам об этом знал. Рано утром ему уже звонил Ли Сы. Старик обмолвился, что малыши, впервые оказавшись так далеко от родителей, немного тоскуют по дому, но сейчас уже спят. Старшие быстро освоились и спозаранку умчались играть на улицу вместе с Бэйшэном.

Ли Каю это принесло немалое облегчение. Что же до младшего, Чэншаня, то этот мальчик всегда рос неженкой. Хотя он и уступал брату с сестрой всего несколько дней, и физически, и психологически он развивался медленнее. В привычной домашней обстановке, когда все шло гладко, его капризность не бросалась в глаза, но любые перемены мгновенно выбивали его из колеи. Ван Сюань всегда твердил, что каждый ребенок уникален, и Ли Кай не требовал от сына невозможного.

— В деревне очень весело, — с улыбкой говорил в трубку Ли Кай. — Гуляйте побольше с братом и сестрой, можете хоть до конца лета там оставаться.

Ли Кай искренне считал свое деревенское детство счастливым. Пусть тогда они постоянно голодали, зато воли было хоть отбавляй.

Чэнху, собиравшийся пожаловаться отцу на тяготы сельской жизни, от таких слов чуть язык не прикусил. Он сразу вспомнил все, что успел увидеть за утро: чумазых наглых гусей, пахнувших навозом буйволов, коровьи лепешки под ногами... И почему папа решил, что здесь весело?

Сообразительный мальчик вовремя прикусил язык. Раз отец так считает, жаловаться бесполезно. Сжимая трубку, Чэнху покосился на дядю Бэйшэна, который безмятежно сидел в кресле и лакомился фруктами. Может, дядя с самого начала знал, что так будет?

Знал Бэйшэн об этом или нет — значения не имело. Куда важнее было то, что если бы у маленького Ли Кая в детстве были собственные гуси и коровы, он бы плевать хотел на грязь и запахи. В те времена это считалось несметным богатством. К несчастью, тогда они с Ли Сы перебивались с хлеба на воду, а в их убогом доме даже мыши не водились, опасаясь сами угодить к хозяевам на обед.

Разная среда и разные условия жизни формируют разное отношение к вещам, и тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, мир не стоит на месте, а Ли Кай и Ван Сюань трудились не покладая рук именно для того, чтобы их дети ни в чем не нуждались и имели лучший старт в жизни.

Повесив трубку, Чэнху подбежал к дяде.

— Дядя Бэйшэн, а когда мы поедем домой? — разумеется, он имел в виду их просторную

квартиру в столице.

Бэйшэн лениво потянулся на диване.

— Кто ж его знает. Тебе отец ничего не сказал?

— Сказал, что можем возвращаться, когда захотим.

— Ну, тогда все зависит от твоего дедушки. Сами-то мы на самолет сесть не сможем, а телохранители и няни слушаются только его.

Бэйшэну тоже хотелось поскорее вернуться в Столицу. Ему изрядно надоело с вежливой улыбкой выслушивать бесконечных тетушек и кузин, которых он видел впервые в жизни, и терпеть, когда малознакомые люди тискали его за щеки и гладили по голове. Сплошная головная боль.

Чэнху на мгновение задумался.

— Интересно, Чэншань сегодня ночью опять будет плакать?

— Не забивай голову, — отмахнулся Бэйшэн. — Твой папа велел поддержать вас в деревне подольше. Говорит, Чэншаню пора привыкать к самостоятельности. И няням строго-настрога наказано вам не потакать — пусть все делают сами.

Чэнху разочарованно скривился. Ему очень хотелось предложить оставить капризного брата здесь для перевоспитания, а самим уехать, но за такие мысли отец бы с него три шкуры спустил. Бросать младших непозволительно для старшего брата.

— Ступай переоденься, — скомандовал Бэйшэн. — Как только жара спадет, сходим за ворота, сорвем спелых плодов. Эти деревья когда-то посадил твой дедушка вместе с твоими родителями, а теперь они превратились в общий сад для всей деревенской детворы.

На сами фрукты Чэнху было наплевать, а вот возможность полазить по веткам его манила. В столичном детском саду тоже росли деревья, но воспитательницы строго-настрога запрещали на них взбираться, разрешая играть только на детской площадке. Но Чэнху, считавший себя без пяти минут взрослым, эти малышовые забавы давно презирал.

— Чжэньчжэнь! Даже не думай таскать мороженое, ты только что целое съела, — прикрикнул Бэйшэн, чувствуя себя измотанной нянькой.

Девочка, стоявшая на табуретке и наполовину залезшая в морозильный ларь, замерла.

— Да я и не ем... — глухо донеслось из недр холодильника. — Я это... для братика достаю. Просто понюхать хотела!

— Чэншань не хочет, да и дедушка с бабушкой тоже. А ну закрой крышку. Живо! — Бэйшэн безжалостно пресек любые попытки оправдаться.

Чжэньчжэнь со вздохом захлопнула ларь. Дома она несколько не боялась младшего дядю: чуть что — сразу бежала ластиться к дедушке, и тот всегда принимал ее сторону. Но перед отъездом папа предупредил, что в деревне придется беспрекословно слушаться и деда, и дядю Бэйшэна. Именно он здесь за главного, и если они станут упрямиться, то получают по первое число — отец далеко, защитить не сможет. Девочка заискивающе улыбнулась и замахала пустыми руками, показывая, что ничего не взяла.

Бэйшэн фыркнул. Эти сорванцы были далеко не глупыми и прекрасно понимали, когда можно пошалить, а когда лучше притихнуть.

«Хоть какая-то польза от моего авторитета», — с удовлетворением подумал он.

За обедом Чэншань капризничал, лениво ковырялся в тарелке и витал в облаках, пока остальные дети молча и аккуратно уплетали свою еду. Чэнху толкнул брата локтем в бок.

— Ешь быстрее, скоро гулять пойдем.

— Я домой хочу.

— Папа не разрешил! А если так не терпится — позвони ему сам. Или устрой голодовку и плачь целыми днями, может, тогда за нами пришлют машину...

Шлеп!

— Дядя Бэйшэн, за что?! — Чэнху втянул голову в плечи, потирая затылок, и сердито насупился.

— За то, что подстрекаешь брата. Еще раз услышу подобные глупости — выдеру как сидорову козу. — И никакие успехи в боевых искусствах не спасали мальчишку от тяжелой дядиной руки.

Почувствовав себя полновластным хозяином положения, Бэйшэн грозно сдвинул брови. Чэнху почесал макушку, что-то буркнул под нос и принялся яростно грызть свиное ребро.

— Хи-хи-хи! Дядя, если старший брат опять начнет вредничать, лиши его обеда! — захихикала Чжэньчжэнь.

Эту угрозу она подслушала утром на улице, когда местная женщина отчитывала непослушного сына. Для Чжэньчжэнь перспектива остаться без еды казалась самым суровым наказанием в мире. Дома за проступки отцы наказывали их иначе — например, заставляли стоять по стойке смирно, но голодом никогда не морили. Разве что Чэншань сам воротил нос от тарелки.

Чэнху сердито зыркнул на сестру, потом перевел взгляд на дядю и, наконец, на дедушку. Ли Сы лишь добродушно улыбнулся и положил каждому по сочному куску мяса, приговаривая, чтобы внуки ели побольше и росли сильными да крепкими.

Чэнху давно уяснил, что у дедушки к ним было единственное требование — налегать на мясо и прибавлять в росте, и выполнять его было одно удовольствие. Дедушка всегда оставался самым мягким и добрым, тогда как дядя Бэйшэн держал их в ежовых рукавицах. Дразнить дядю можно было лишь до определенного предела; когда тот сердился всерьез, спорить с ним никто не решался.

«Если дядя по-настоящему разозлится, никто нас не спасет», — прекрасно знал Чэнху.

— Дедушка, я хочу вот это. И вон то, — Чэншань наконец очнулся и указал пальчиком на блюда.

— Конечно, внучок, кушай на здоровье, — обрадовался Ли Сы.

Малыш съел пару ложек, но вскоре опять принялся размазывать кашу по тарелке. Подперев кулачком щеку, он безучастно наблюдал за тем, как брат с сестрой шумно спорят с дядей из-за еды. Рис во рту Чэншаня уже превратился в сухую безвкусную массу, и только когда челюсть окончательно заняла, он с трудом сглотнул.

— Дедушка, я хочу яблоко, — снова затянул он свою волынку.

— Кушай, кушай, — ласково ответил Ли Сы. — Вот доешь рис, и дедушка даст тебе самое сладкое яблоко.

— Не хочу рис! Я уже наелся! — Чэншань с грохотом отложил палочки и отодвинул тарелку.

— Опять за старое? — строго вмешалась Чжэньчжэнь, у которой за обе щеки улетало мясо. После долгой утренней прогулки у нее разыгрался нешуточный аппетит. — Папа говорил, что еду выбрасывать нельзя! Крестьяне трудились в поле, няни старались у плиты, а ты все переводишь!

— Я Хуйхуй отдам, — невинно захлопал ресницами Чэншань, уставившись на сестру огромными круглыми глазами.

— Хуйхуй остался в Столице, — Чжэньчжэнь отложила палочки, решив прочитать брату

нотацию. — А за тобой никто доедать не станет.

Дома, когда родителей не было рядом, Чэншань постоянно подкармливал собак своими объедками. Псы никогда не отказывались от лакомых кусочков, и мальчик тратил больше времени на кормежку питомцев, чем на собственный обед. И хотя у собак был полноценный сбалансированный рацион, Чэншань никак не мог избавиться от этой привычки.

Бэйшэн, видя, что племянник опять упрямится, а Ли Сы вотвот поддастся на уговоры, решительно вмешался, напоминая о строгом наказе Ван Сюаня.

Перед капризным ребенком тут же убрали тарелку, оставив лишь обещанное яблоко. Все сладости и перекусы на сегодня были отменены, и никакие слезы и надутые губы не помогли растопить суровое дядино сердце. Сразу после обеда Бэйшэн собрал детей, и они отправились к реке, где их уже поджидал Шитоу вместе с деревенскими ребятами.

— Жара невыносимая, может, искупнемся в речке? — предложил один из местных мальчишек.

— Отличная идея, пойдем глянем, — согласился Бэйшэн.

— Чжэньчжэнь, ты в воду не лезь, посиди на берегу.

Другой паренек, ровесник Бэйшэна, недовольно буркнул:

— Мы же парни! Чего это девчонка будет смотреть, как мы купаемся? Стыдоба какая.

Бэйшэн мгновенно насупился.

Прежде чем он успел вставить слово, Шитоу ощутимо ткнул ворчуна кулаком в спину:

— Ты чего мелешь? Не хочешь с нами — топай домой! Моя тетушка еще совсем кроха, а ты уже глупости городить вздумал. И вообще, ты что, без трусов купаться собрался? Кто тебе разрешит голышом в воду лезть?

Бэйшэн заметно повеселел. Чжэньчжэнь послушно уселась на расстеленную дядей одежду под тенью деревьев. Она вызвалась посторожить их обувь и вещи, ничуть не расстроившись, хотя ее взгляд так и тянулся к прохладной воде. Девочка твердо помнила папин наказ: приличные девицы на людях не раздеваются.

— Шитоу, присмотри за Чэнху, а я за Чэншанем пригляжу, — крикнул Бэйшэн.

— Ничего себе, Бэйшэн, эти городские неженки и плавать умеют? — удивился кто-то из

местных ребят.

— Конечно умеют. В Столице у них в школе уроки плавания, да и дома бассейн огромный. Но в речке течение коварное, так что глаз да глаз нужен.

Большинство деревенских детей учились держаться на воде самостоятельно чуть ли не с пеленок. Речка здесь была неглубокой, хотя в некоторых местах образовывались глубокие омуты — любимые места для прыжков старших парней. Чэнху и Чэншань плескались на мелководье, где вода была прозрачной и теплой. Освежающая прохлада в знойный день творила чудеса: даже капризный Чэншань теперь весело смеялся и брызгался, совершенно позабыв о своих капризах и желании вернуться к родителям.

— Надо же, как красиво плывут! Не по-нашему как-то, правильно.

— Так Бэйшэн же сказал — у них дома собственный бассейн. Городские во всем от нас отличаются. Мы-то просто в воду прыгаем, когда припечет, никто нас не учил.

— А Бэйшэн этот строгий какой. Видали, как он из-за девчонки на Дагана зыркнул? Я думал, сейчас драка начнется.

— Ну и подрались бы! Давно пора проучить этих городских, чтобы нос не задирали, — хохотнул другой мальчишка.

— Ага, разбежался. Шитоу бы за него горой встал, с ним связываться себе дороже.

Местные ребята побаивались Шитоу, а точнее — его отца. В деревне отец Шитоу считался человеком солидным и уважаемым. И хотя поговаривали, будто Ли Кай добился еще большего успеха, его семью в этих краях видели редко — все они давно обосновались в столице. Родители же Шитоу работали учителями в школе. Для сельской ребятни, даже для тех, кто уже перешел в средние классы, фигура учителя внушала священный трепет.

При встрече с отцом Шитоу на улице мальчишки загодя обходили его стороной, не смея попадаться на глаза. И неважно, что он вел уроки далеко не у всех — учитель всегда оставался учителем, и этого было вполне достаточно, чтобы держать язык за зубами.

<http://bllate.org/book/19654/1996901>